

Рецензии

Снаружи всех измерений Рецензия на книгу: Fourcade M., Healy K. (2024) *Ordinal Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press

ДМИТРИЙ М. ЖИХАРЕВИЧ

Венский университет, Вена, Австрия

ORCID: 0000-0002-2518-7858

218

Рекомендация для цитирования:
Жихаревич Д. М. (2024) Снаружи
всех измерений. Рецензия
на книгу: Fourcade M., Healy K.
(2024) *Ordinal Society*, Cambridge,
MA: Harvard University Press.
Социология власти, 36 (4): 218-230
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-4-218-230](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-218-230)

For citation:
Zhikharevich D. M. (2024) *Ordinal
Society and Its Future*. Review of:
Fourcade M., Healy K. (2024) *Ordinal
Society*, Cambridge, MA: Harvard
University Press. *Sociology of Power*,
36 (4): 218-230
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-4-218-230](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-218-230)

Поступила в редакцию: 30.11.2024;
принята в печать: 10.12.2024
Received: 30.11.2024; Accepted:
10.12.2024

© 2024 by the author.
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Маркс в Калифорнии

Новая книга Марион Фуркад и Кирана Хили написана на стыке жанров — немецкого *Gegenwartsdiagnose* («диагноза настоящего времени») и американского «академического блокбастера» [David-Fox 2018], и посвящена анализу и критике новейшей социальной формы: «ординального общества» [р. 282]. Одновременно с этим работа Фуркад и Хили вносит вклад в дискуссию о возникающем социально-экономическом порядке, который в литературе именуется по-разному: «когнитивным капитализмом» [Moulier-Boutang 2004], «надзорным капитализмом» [Зубофф 2022], «капитализмом платформ» [Срничек 2019], «обществом алгоритмов» [Burrell and Fourcade 2021], «обществом рэнкингов» [Esposito and Stark 2019] или даже «искусственной социальнойностью» [Трегубова 2020]. Ординальное общество — это не только свежая метафора, но и попытка предложить альтернативный взгляд на трансформации хозяйства и общества, а также персонального и социаль-

ного опыта, связанные с радикальным увеличением масштабов сбора и возможностей анализа социальных данных, произошедших в последние 50 лет. Попытка тем более интересная, что, в отличие от других реплик в этой дискуссии, анализ Фуркад и Хили основан, прежде всего, на синтезе обширной литературы, которую с известной долей условности можно обозначить как «социологию классификации и квантификации» [Mennicken and Espeland 2019; Berman and Hirschman 2018; Espeland and Stevens 2008; Espeland and Stevens 1998]. Ключевой характеристикой ординального общества является измерение (measurement), ставшее для него одновременно формой координации, нормативным горизонтом и механизмом управления [p. 1]: ординальное общество — это «наш мир цифрового, распределенного, само-модулирующего измерения и мягкого контроля» [p. 259], где порядок создается при помощи «автоматизированного рэнкинга и мэтчинга» [p. 2].

В книге семь содержательных глав, посвященных влиянию «ординализации» на разные аспекты социальной жизни — например, в главах 4 и 5 речь идет об экономике, в шестой главе — о новой форме субъективности, «человеке самоорганизации» (отсылка к известной книге Уильяма Уайта [Whyte 1957]), которого ординальное общество пестует и направляет по «дороге к самости» (The road to selfdom, название главы, отсылающее уже к Хайеку), а в седьмой — о судьбе института гражданства в новых условиях. Если заключение вполне ожидаемо посвящено рефлексии по поводу основных выводов книги, а также переосмыслению роли социальных ученых в свете этих выводов (и специфических соблазнов мира очень больших данных), то введение сразу погружает читателя в историю формирования ординального общества, пропуская традиционный для подобных изданий обзор содержательных аргументов книги. Четверть века назад на страницах «Когнитивного капитализма» Ян Мулье-Бутан писал, что «исследовательская программа Маркса обнаружила себя перемещенной... в Калифорнию», точнее — в Кремниевую долину, «где выковывалась новая мировая экономика, новый исторический и современный капитализм» [Moulier-Boutang 2004: 6]. Сегодня Долина — во вполне буквальном смысле общее место, не только как точка притяжения амбициозных претендентов на вступление в ряды «искусственно интеллектуальных классов» [Burrell and Fourcade 2021], но и как точка отсчета для исторических нарративов, посвященных генезису новейшего капитализма. Книга Фуркад и Хили здесь следует проверенным маршрутом и цитирует всю «правильную» литературу (в частности, фундаментальную работу Кристофа Лекюйе [Lévy 2006]), на бешеной скорости пробегая по знакомым сюжетам — от местных радиолюбителей и предпринимателей вроде Хьюлетта и Паккарда, экспериментиро-

вавших с технологиями еще в те времена, когда округ Санта-Клара был славен не стартапами, а орхидеями, через основание Стэнфордского индустриального парка в 1951 году, федеральное финансирование исследований и разработок во время холодной войны, развитие компьютерных технологий и полупроводниковой промышленности — и вплоть до движения за свободно распространяемое ПО, «пузыря» доткомов и Web 2.0.

Всеобщий интеллект в обществе контроля

Ключевым моментом в истории Кремниевой долины — и предыстории ординального общества — стало обнаружение экономической ценности пользовательских данных: «компании вдохнули выхлопные газы своих собственных данных и обнаружили, что они пахнут деньгами» [р. 11]. Здесь история, рассказываемая Фуркад и Хили, в общих чертах совпадает с рассказом Шошаны Зубофф, где открытие *behavioral surplus* кладет начало «надзорному капитализму» [Зубофф 2022]. Как и у Зубофф, в фокусе внимания Фуркад и Хили оказывается компания Google, но, в отличие от Зубофф, для них важна не бизнес-модель компании, а сам алгоритм PageRank, изобретенный Сергеем Брином и Ларри Пейджем в 1998 году. Брин и Пейдж решили задачу, с которой несколькими годами ранее не сумела справиться торговая платформа eBay, — поставить механизм пользовательской обратной связи, в основе которого лежит человеческое общение, на службу бизнесу, причем на постоянной основе и с возможностью масштабирования. eBay внедрила систему пользовательских рекомендаций, которую не удалось масштабировать без введения внешнего контроля, чтобы исключить ее недобросовестное использование. Брин и Пейдж сумели формализовать обратную связь с помощью измерения репутации веб-страниц — структура ссылок между страницами фактически отражает пользовательскую оценку их качества и содержания, которую можно извлечь и превратить в рейтинг, учитывая не только важность каждой входящей ссылки, но и репутацию страницы-источника [р. 23–24]. Иными словами, им удалось овеществить репутацию — само воплощение идеи обратной связи, поскольку хорошая репутация должна быть хороша в первую очередь в глазах других людей с хорошей репутацией [р. 24, 268]. Для Фуркад и Хили PageRank — это парадигматический случай, образцовое воплощение «сквозной» логики ординального общества, где измерение репутации превращается в универсальную социальную форму.

В отличие от других авторов, в большей степени приверженных политэкономической перспективе, рассматривающей данные как новую форму сырья, Фуркад и Хили фокусируются на том, что гене-

рирует эти данные, — пользовательской активности, вернее — интерактивности, из которой и складывается «всеобщий интеллект», упомянутый Марксом в энигматическом «Фрагменте о машинах» и воспетый предыдущим поколением теоретиков [Маркс 1969: 201–222]. Фуркад и Хили предпочитают говорить о «социальном субстрате», подчеркивая, что самое ценное в данных — это их сетевая структура. Вполне возможно, что в учебниках будущего Фридрих фон Хайек и Паоло Вирно займут место Адама Смита как исследователи, распознавшие диффузное социальное знание в качестве нового источника стоимости, а вот место Маркса достанется Марку Грановеттеру и Харрисону Уайту — как теоретикам, сумевшим сделать предметом своего анализа саму (сетевую) *форму* стоимости. Капитализация человеческого общения и взаимодействия, которую Фуркад и Хили именуют «утечкой» (exfiltration) человеческой социальности [р. 58–66], была бы невозможна без понимания работы социальных сетей — в смысле сетей межчеловеческих связей, не обязательно «оцифрованных», которые социологи начали изучать в 1970-е годы (хотя сама эта омонимия показательна), а ординальное общество не смогло бы приобрести своих нынешних масштабов без взаимодействия двух других механизмов, описанных социальными учеными, — сетевого эффекта [р. 142], за счет которого «полезность» сервиса для его пользователей увеличивается по мере роста их числа (равно как увеличиваются и издержки перехода на альтернативы), а также московского дарообмена, моральную двусмысленность которого научились использовать разработчики приложений, предлагающие вам «бесплатный» доступ в обмен на цифровые следы ваших взаимодействий с этим приложением и другими его пользователями [р. 40–48]. Как хорошо известно антропологам, внешне свободный дар может быть частью далекоидущей системы моральных обязательств, а ни к чему не обязывающий однократный обмен легко превращается в прецедент [Graeber 2014]. Фуркад и Хили акцентируют внимание на роли спроса в подъеме ординального общества — массовому пользователю скорость и удобство важнее автономии и приватности, а поэтому «даровой» доступ к сервисам в обмен на данные всегда будет побеждать верность ценностям: порядок бьет класс, а UX бьет DIY.

Идея о том, что «глобальная структура сети ссылок используется для генерации индикатора качества индивидуальных узлов этой сети» [р. 24], отработанная Google, оказалась золотой жилой и превратила интернет в пространство, значительно более удобное для рядовых пользователей, одновременно сделав его сетью, непрерывно наблюдающей самое себя их же «глазами» (активностью), делёзовским обществом контроля. «Занимаясь навигацией дорожной сети или сети страниц, чтобы делать свой выбор, индивиду-

альный пользователь полагается на информацию, текущую через пространство контроля, и поток сделанных выборов корректирует и совершенствует глобальное видение системой своего собственного состояния» [р. 28]. С другой стороны, системы рекомендаций — например, «людей, которых вы можете знать» — углубляют интеграцию пользователей в воспроизводство сети, воплощая идеал позитивной свободы — свободы выбирать, самовыражаться и вести свою жизнь в соответствии с собственными представлениями о должном (в отличие от акцента на негативную свободу, характерного для раннего, «дикого» интернета). Одновременно растут издержки отказа от такой интеграции: будет ли это поиск романтического партнера, отслеживание физической активности или отказа от курения, или выстраивание связей с коллегами по профессии, индивидам необходимо поддерживать свою «видимость» для сети — то есть для алгоритма, — наращивая свою активность и обмениваясь токенами взаимодействия с другими пользователями (вспомните, сколько раз за последние пару лет вы слышали фразу «поставьте лайк, нажмите на колокольчик, так работают алгоритмы...»). Эти механизмы работают не только в виртуальном пространстве: если воздержаться от использования смартфона за рулем, специальное приложение, отслеживающее этот процесс, передаст информацию вашей страховой компании, которая немного снизит стоимость страховки [р. 255]; а вот отказ от взаимодействия — например, от использования кредитной карты — может быть хуже для вашей кредитной истории, чем большое количество вовремя погашенных займов, пусть даже их погашение и происходит в самый последний момент.

222

Динамика классификаций

Эти сюжеты подводят нас к основному тезису книги, подтверждающему, что «Ординальное общество» — не очередной технотерминистский манифест и не очередная романтическая критика всепоглощающей квантификации. Роль технологий здесь в значительной степени сводится к приданию беспрецедентной скорости и масштабов фундаментальным «аналоговым» социальным процессам классификации — взаимной классификации друг друга индивидами, а также классификациям, при помощи которых не только «мыслят», но и «видят» институты [Fourcade and Healy 2017] — государства, рынки, организации и т. д. Формализация обратной связи в виде метрик репутации позволяет «сортировать» людей по категориям, превращая в реальность мечту бизнес-тренеров и их паствы — чтобы стать успешным, нужно общаться с успешными людьми — путем разделения людей на категории на основе рейтинга и сведения их в группы через процесс ранжирования и отбора

(rank-and-match process), а также воспитания в них привычки мыслить в терминах этого процесса (вспомните, когда вы в последний раз выбирали такси, ресторан, фильм или отель, у которого не было бы рейтинга?), подаваемого как решение любого рода проблем [р. 22]. Сами по себе процессы классификации — в терминах Фуркад и Хили, номинализации и ординализации, то есть именования и иерархического упорядочивания [р. 107] — пронизывают социальную жизнь и, хотя и могут приводить к нежелательным с нормативной точки зрения эффектам (сословные общества, расовая и гендерная дискриминация и т. д.), не являются чем-то новым или тем более заслуживающим изощренного анализа и критики. То же можно сказать и о, например, гомофилии [р. 106, 269] — еще одному «аналоговому» механизму, хорошо известному сетевым аналитикам, сводящему подобное с подобным безо всяких рейтингов. Более того, классификации — особенно классификации, укорененные в правилах и практиках организаций и институтов, публичные и освещенные престижем наук о человеке — всегда были одним из «двигателей» социальной стратификации, а также ресурсом для построения идентичностей и способов существования (в последнее время лидирующие позиции здесь принадлежат классификациям из области популярной психологии и психотерапии). Ординальное общество коренным образом меняет эти процессы — алгоритмическая «динамика классификации» (термин Иэна Хакинга [Hacking 2007]) существенно отличается от «аналоговой» по своему генезису, протеканию и последствиям.

223

Раскрытию этого тезиса посвящена, на мой взгляд, самая интересная и оригинальная часть книги, опирающаяся на более раннюю работу соавторов. В статье 2013 года Фуркад и Хили предположили, что классификации, с помощью которых рынки и организации «видят» экономическую жизнь, обладают нетривиальными стратификационными эффектами [Fourcade and Nealy 2013]. Например, в США, где расширение доступа к кредитованию стало функциональным эквивалентом европейского государства всеобщего благосостояния [Prasad 2012], кредитная история превратилась не только в моральный институт, но и в решающий фактор, влияющий на жизненные шансы индивидов, — так что, развивая веберовскую метафору, в пору говорить не о классовых, а о классификационных ситуациях. С одной стороны, анонимная бюрократическая классификация (а вслед за ней и квантификация, например, в форме кредитного скоринга), заведомо «слепая» к аскриптивным характеристикам вроде гендера или расы и оценивающая ваши шансы на получение кредита строго на основе вашей же финансовой истории, выглядит «честнее», чем оценка кредитоспособности, основанная на личном доверии [см.: Guseva and Rona-Tas 2001; Carruthers 2013]. С другой

стороны, классификационные ситуации формируются на основе анализа абстрактных переменных и стандартизированных процедур, которые находятся вне видимости и контроля классифицируемых, оказывая решающее влияние на их жизненные шансы, причем далеко не всегда «честным» образом. «Бедность стоит денег, фирмы, стремящиеся вести дела с бедными, об этом знают и систематически эксплуатируют это знание» [Fourcade and Healy 2013: 570], рационализируя и масштабируя бизнес-модель микрокредитных организаций и одновременно закрепляя своих клиентов в порочном круге непрерывно возобновляемого долга.

В ординальном обществе эти тенденции приобретают совсем иной масштаб. «Избыток многомерных цифровых данных и средств для их анализа глубоко повлиял на то, как создаются социальные категории и как люди сортируют себя и друг друга» [р. 102]; произошло «слияние фундаментальных социальных процессов именования и ранжирования с современными инструментами и данными для осуществления этих задач» [р. 108]. В отличие своих «аналоговых» предшественников, классификации, построенные на больших данных, являются «постдемографическими» [р. 104] — они основаны не на аскриптивных характеристиках, а на мониторинге и измерении поведения (рейтинги), носят вероятностный характер и способны предсказывать, будут ли люди действовать определенным образом или лайкать определенные вещи, а также являются значительно более детальными, что затрудняет их интерпретацию в терминах «человекочитаемых» социально-демографических категорий. Алгоритмы удивительно хорошо справляются с задачей поиска паттернов, но механизмы, с помощью которых они учатся классифицировать, могут быть совершенно непрозрачными с человеческой точки зрения — что затрудняет не только интерпретацию результатов проведенной ими сортировки, но и попытки их оспорить, ведь даже при самом тщательном следовании правилам случаются категориальные ошибки. Возможность оспорить результаты классификации тем более важна, чем в большей степени «эти технологии сегодня опосредуют сам социальный процесс в целом», «идентифицируя новые классы людей, переструктурируя идентичности, помогая контролировать социальное действие и производя новые критерии того, что значит говорить правду и выносить этическое суждение» [р. 116]. Дело не только в том, что классификационные ситуации влияют на жизненные шансы индивидов, опосредуя их доступ к образованию, финансовой системе, государственным услугам и т. д. Алгоритмические классификации генерируют новые формы неравенства во взаимодействии с неравенствами старыми, опирающимися на «аналоговые» классификации. Выражаясь в терминах Бурдьё, социальный мир, в котором «учатся» алгоритмы,

выступает для них структурирующей структурой, сам при этом будучи структурированной структурой: «предиктивные методы, используемые для определения, у кого больше вероятности стать хорошим работником, паршивым родителем или опасным рецидивистом, в конечном счете опираются на историю дискриминационных практик и асимметричного надзора» [р. 111]. Алгоритм, определяющий риск неисполнения родительских обязанностей, «натренированный» на базе данных социальных служб, будет более чувствителен к бедным семьям — уже хотя бы потому, что представители среднего класса решают семейные проблемы в частном порядке и пользуются услугами экспертов в области психологии или семейного права, а не бюрократии социального государства.

Другой пример — кредитный скоринг, сортирующий индивидов по уровню кредитного риска, в оценке которого используются только поведенческие, а не аскриптивные категории. Американские исследования показывают, что финансовое поведение существенно отличается между расовыми группами: небелые американцы чаще возвращают кредит только минимальными платежами, опаздывают с выплатами и потому облагаются штрафами или превышают лимиты. Таким образом, расовое неравенство проступает даже сквозь поведенческие классификации, а введение машинного обучения, вполне вероятно, усугубит эту ситуацию. Это фундаментальная проблема, у которой нет технического решения — при всех достоинствах и недостатках обсуждаемых сегодня вариантов, предлагающих либо обучить людей «правильному» поведению (условно правое решение), либо скорректировать сами алгоритмы скоринга (условно левое) — поскольку историческую траекторию, пройденную конкретным обществом, невозможно ни отменить, ни «исправить». «Эти системы начинают с высокоструктурированного социального мира, они измеряют и ранжируют его на уровне индивидуального поведения с намерением заставить общество исчезнуть, а затем сталкиваются с непреодолимыми трудностями, когда исходные социальные факты снова обнаруживаются в результатах на индивидуальном уровне» [р. 247]. Неслучайно, как замечают Фуркад и Хили [р. 245], что такого рода технологии лучше всего работают в ЮАР и США — странах с длительной историей узаконенной расовой сегрегации. Долгосрочные эффекты «категориального неравенства» [Tilly 1998], влияющие на поведение индивидов, считаются и представляются алгоритмами как результаты индивидуальных решений — ординализация «конвертирует» структуру в действие, а классификационные ситуации интерпретируются как результаты сознательных выборов (разумных или нет), свидетельствующих о добродетели выбирающего (или наоборот), и следовательно — в любом случае как заслуженные. Проблема не в том, что результатам

анализа данных придается слишком большое значение — «революция данных», напротив, нормализовала скептицизм по поводу претензий на обнаружение каузальных связей [р. 246], — но в том, что любая система измерения, предметом которой является человеческая деятельность, превращается в ценностную иерархию. Публичные классификации, ранжирующие индивидов по степени достижения некоторого измеримого результата, не бывают морально нейтральными. В той мере, в какой они являются результатом применения стандартизированных и безличных (тем более — автоматизированных) процедур, столь важных для нашего представления о меритократии, такие классификации превращаются в «формы рационализированной стратификации», где индивиды с «хорошей классификацией» (well-classified, по аналогии с well-born, т. е. «хорошего происхождения») получают не просто лучшие жизненные шансы, но и способ морального оправдания своего положения как заслуженного.

Мертвые зоны меритократии

226

По мере того, как все большее количество сфер человеческой жизни реорганизуются в соответствии с требованиями «ординального разума», они все больше превращаются в «меритократии с маленькой буквы “м”» [р. 285], нормализуя конкуренцию между людьми и точку зрения на социальные отношения как иерархию, основанную на рейтинге. Однако индивиды конкурируют не только друг с другом, но и с самой «системой», которую они пытаются переиграть, находя способы обмануть алгоритмы — например, набирая побольше задач на трудовых платформах типа TaskRabbit или занимаясь шитпостингом в социальных сетях. Даже несмотря на непрозрачность критериев, «любая система, производящая схему вознаграждений или рангов, какой бы искаженной она ни была, как правило, институционализируется как ценностный порядок и основа для атрибуции персональных заслуг» [р. 253]. Более того, именно в силу этой непрозрачности результаты работы классификационных алгоритмов — позиции в рейтингах — не только становятся судьбоносными по своим последствиям для жизненных шансов индивидов, но и переживаются как судьба — нечто, находящееся вне сознательного контроля.

И снова, сам по себе этот опыт не является специфическим для ординального общества. И в «аналоговой» жизни распространены ситуации, в которых нам приходится иметь дело с оценкой наших «качеств», проведенной безличной организацией, которая полагается на непрозрачные критерии, в результате чего мы оказываемся размещенными на шкале (не всегда публичной) относительно других пре-

тендентов — от неудачных заявок на кредиты или гранты (we hope, you will apply again, как пела группа «Технопоэзия») до получения очереди в детский сад или повестки в военкомат. Дэвид Гребер описывал такие ситуации в терминах «мертвых зон воображения» [Гребер 2021], возникающих в момент столкновения с радикально упрощающим «взглядом» бюрократической системы, напроочь лишенных смысловой глубины и потому переживающихся в лучшем случае как «тупость», в худшем — как «обстоятельства непреодолимой силы», в английском языке неотличимые от «вмешательства Бога» (act of God). Ординальное общество генерализует этот опыт [Zhikharevich 2021], поскольку алгоритмически пересобранные категории часто не соотносятся с категориями, поддающимися человеческому осмыслению, — так же как алгоритмы высокочастотного трейдинга преодолевают человеческую размерность за счет невероятной скорости [см.: Min and Borch 2022]. Одним из следствий этой генерализации является возможность столкновения с подобным опытом представителей тех групп, для кого ранее это было практически исключено: Фуркад и Хили приводят «одновременно карикатурный и показательный» пример Илона Маска, исключившего свои посты из рейтингования алгоритмами Твиттера — «для людей, привыкших думать, что они заслуживают своей позиции на самом верху, выступать объектом рейтингования гораздо более невыносимо» [р. 275], чем для тех, кто был вынужден к этому привыкнуть.

227

Столь же невыносимой может обернуться и жизнь в ординальном обществе, как с грустью констатируют авторы в заключение своей книги. «Общественные блага и коллективные цели растворяются в кислотной ванне индивидуализации и конкуренции, оставляя нас все более одинокими в гиперсвязанном мире, социальный порядок которого точно выверен и в своей фактичности является неоспоримо “правильным”» [р. 285]. Однако это не повод отчаиваться или тем более отказываться от аналитического и критического аппарата социальной теории и, шире, социальных наук в целом. Соблазн «вычислительной социальной науки» стоит уравновесить расширением исторического воображения. Фуркад и Хили убедительно показывают, что ординальное общество лишь масштабирует и трансформирует фундаментальные социальные процессы классификации с помощью алгоритмов, а за нормативным оправданием обращается к идее меритократии. У этой идеи есть история, и не слишком длинная — в значительной степени она совпадает с историей современных образовательных бюрократий, с их формальными системами оценки и стандартизированными тестами [р. 239; Porter 1993]. В том, что наше представление о честности и «заслуженности» фетишизирует безличные формальные — а в пределе, автоматизированные — системы оценки, нет ничего неизбежного.

В конце 1980-х годов Иммануил Валлерстайн указал на очевидную проблему меритократии как идеологии и практики: в любой сфере деятельности сверхталантливые и уникально бесталанные люди будут меньшинством, которое действительно можно оценивать «по заслугам», в то время как для сортировки большинства «всех остальных» любые критерии будут до определенной степени произвольными — в конце концов, так ли уж велика содержательная разница между, скажем, 94 и 95 баллами? Решение, влекущее вполне реальные последствия для жизненных шансов оцениваемого, принятое на столь зыбкой основе, не может не переживаться как абсурд или тупость. Сколько ни говори о человеческом капитале и «карьерах, открытых для таланта», «поскольку вокруг слишком много талантов, кто-то должен решать, кто талантлив, а кто нет. И это решение, когда оно принимается в рамках узкого диапазона различий, является политическим решением» [Валлерстайн 2004: 180]. Альтернативой эксплицитной политизации такого решения стала его «алгоритмизация». Однако, если Фуркад и Хили не ошибаются в своем диагнозе, не исключено, что по меньшей мере в ряде случаев альтернативой непрозрачному алгоритму мог бы стать старый добрый жребий. В любом случае ординальное общество здесь надолго, хотя бы в силу инфраструктурной инерции и неослабевающего энтузиазма по поводу предлагаемых им возможностей — тем важнее научиться избегать алгоритмического фетишизма [Thomas, Nafus and Sherman 2018], превращающего непрозрачные классификации в моральное оправдание произвольных неравенств. В противном случае наука о данных имеет все шансы повторить судьбу классической политэкономии, став «наиморальнейшей из наук» [Маркс 1974: 131].

228

Библиография / References

Валлерстайн И. (2004) Буржуа(зия): понятие и реальность с XI по XXI век. *Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс*. М.: Логос: 160–181.

— Wallserstein I. (2004) Bourgeois(ie): concept and reality from XI to XXI centuries. In: *Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow: Logos: 160–181. — in Russ.

Гребер Д. (2021) Мертвые зоны воображения. *Парантеза*, 28 декабря 2021. URL: <<https://www.paranteza.info/post/graeber-dead-zones>>

— Graeber D. (2021) Dead zones of imagination. *Paranthesa*, 28 December 2021. — in Russ.

Зубофф Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах*, М.: Издательство Института Гайдара.

— Zuboff S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism*, Moscow: Gaidar Institute Publishing. — in Russ.

- Маркс К., Энгельс Ф. (1969) *Сочинения, 2-е изд. Т. 46. Ч. 2*, М.: Госполитиздат.
- Marx K., Engels F. (1969) *Collected works. 2nd edition. Volume 46. Part 2*, Moscow: State publishing house of political literature. — in Russ.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1974) *Сочинения, 2-е изд. Т. 42*, М.: Госполитиздат.
- Marx K., Engels F. (1974) *Collected works. 2nd edition. Volume 42*, Moscow: State publishing house of political literature. — in Russ.
- Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: ВШЭ. EDN: VRPYEZ
- Srnicek N. (2018) *Platform Capitalism*, М.: HSE Press. — in Russ.
- Трегубова Н. Д. (2020) Разделение труда, кооперация и новые типы экспертизы в условиях искусственной социальности (по материалам исследования российских и белорусских ИТ-организаций). *Социология власти*, 32(1): 120–154. EDN: LPSCBO. http://www.socofpower.ranepa.ru/files/docs/1_2020/4.pdf
- Tregubova N. D. (2020) Division of Labor, Cooperation, and New Types of Expertise in the Age of Artificial Sociality: The Case of IT-companies in Russia and Belarus. *Sociology of Power*, 32(1): 120–154. — in Russ.
- Burrell J. et al. (2021) The Society of Algorithms. *Annual review of sociology*, 47(1): 213–237. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800>
- Carruthers B. G. (2013) From uncertainty toward risk: the case of credit ratings. *Socio-economic review*, 11(3): 525–551. <https://doi.org/10.1093/ser/mws027>
- David-Fox M. (2018) Bolshevik Millenarianism as Academic Blockbuster. *Canadian-American Slavic Studies*, 52: 75–86. <https://doi.org/10.17613/M64S22>
- Esposito E., & Stark D. (2019) What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty. *Theory, Culture & Society*, 026327641982627. <https://doi.org/10.1177/0263276419826276>
- Fourcade M. and Healy K. (2013) Classification situations: Life-chances in the neoliberal era. *Accounting, organizations and society*, 38(8): 559–572. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2013.11.002>
- Fourcade M. and Healy K. (2017) Seeing like a market. *Socio-economic review*, p. mww033. <https://doi.org/10.1093/ser/mww033>
- Graeber D. (2014) On the moral grounds of economic relations: A Maussian approach. *Journal of Classical Sociology*, 14(1): 65–77. <https://doi.org/10.1177/1468795X13494719>
- Guseva A. and Rona-Tas A. (2001) Uncertainty, Risk, and Trust: Russian and American Credit Card Markets Compared. *American sociological review*, 66(5): 623–646. <https://doi.org/10.2307/3088951>
- Hacking I. (2007) Kinds of People: Moving Targets. *Proceedings of the British Academy*, 151: 285–318.
- Lécuyer C. (2006) *Making Silicon Valley: innovation and the growth of high tech, 1930–1970*, Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Mennicken A. and Espeland W. N. (2019) What's New with Numbers? Sociological Approaches to the Study of Quantification. *Annual review of sociology*, 45(1): 223–245. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041343>

Berman E. P. and Hirschman D. (2018) The Sociology of Quantification: Where Are We Now?. *Contemporary Sociology*, 47(3): 257–266. <https://doi.org/10.1177/0094306118767649>

Espeland W. N. and Stevens M. L. (2008) A Sociology of Quantification. *Archives européennes de sociologie. European journal of sociology*, 49(3): 401–436. <https://doi.org/10.1017/S0003975609000150>

Espeland W. N. and Stevens M. L. (1998) Commensuration as a Social Process. *Annual review of sociology*, 24(1): 313–343. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.313>

Min B. H. and Borch C. (2022) Systemic failures and organizational risk management in algorithmic trading: Normal accidents and high reliability in financial markets. *Social studies of science*, 52(2): 277–302. <https://doi.org/10.1177/03063127211048515>

Moulier-Boutang Y. (2004) *Cognitive Capitalism*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.

Porter T. (1993) *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*, Princeton: Princeton University Press.

Prasad M. (2012) *The Land of Too Much: American Abundance and the Paradox of Poverty*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tilly C. (1998) *Durable inequality*, Berkeley: University of California Press.

Thomas S. L., Nafus D. and Sherman J. (2018) Algorithms as fetish: Faith and possibility in algorithmic work. *Big data & society*, 5(1). <https://doi.org/10.1177/2053951717751552>

Whyte W. H. (1957) *The organization man*, Garden City, NY: Doubleday.

Zhikharevich D. (2021) How Algorithms Became Capitalist. Book Review of: Zuboff Sh. *Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs, 2019. *The monitoring of public opinion economic&social changes*, 1: 398–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1907>

Жихаревич Дмитрий Михайлович — научный сотрудник факультета политических наук Венского университета. Научные интересы: историческая социология, социальная теория, valuation studies, история и социология экономического знания, история капитализма.

ORCID: 0000-0002-2518-7858. Email: dmitrii.zhikharevich@univie.ac.at

Dmitrii M. Zhikharevich — researcher at the Department of Political Science, University of Vienna. Research interests: historical sociology, social theory, valuation studies, history and sociology of economic knowledge, history of capitalism.

ORCID: 0000-0002-2518-7858. Email: dmitrii.zhikharevich@univie.ac.at